

Евгений Иванов

Рецензия на книгу:

**Kaiser C. P. Georgian and Soviet: Entitled Nationhood
and the Specter of Stalin in the Caucasus.
Ithaca: Cornell University Press, 2023. 294 p.**

Иванов Евгений Александрович, преподаватель департамента политики и управления Факультета социальных наук, научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

eivanov@hse.ru

Evgeny A. Ivanov, lecturer at the Department of Politics and Management, Faculty of Social Sciences, research fellow at the Center for Stability and Risk Studies, National Research University Higher School of Economics (HSE University).

eivanov@hse.ru

DOI: <https://10.17323/tjhr.2025.3.28677>

«“А знаешь, наш отец раньше был грузином”. Мне было лет шесть, и я не знала, что это такое — быть грузином... Грузинское не культивировалось у нас в доме, — отец совершенно обрусел»,¹ — вспоминала Светлана Аллилуева, дочь Иосифа Сталина, урожденного Джугашвили. И хотя сам Сталин, став «отцом народов», практически перестал говорить на родном языке даже дома, Грузия и «грузинскость», какими мы их знаем сегодня, по мнению Клэр Кайзер, неразрывно связаны с его именем.

К. Кайзер не впервые обращается к рассматриваемой проблематике: в сборнике «Грузия после Сталина: национализм

1 Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 28.

и советская власть» («Georgia after Stalin: Nationalism and Soviet power») ею был написан раздел, посвященный событиям 1956 г., когда в Тбилиси и других городах Грузинской ССР прошли массовые демонстрации, вызванные правительственным курсом на десталинизацию². Грузины опасались, что критика культа личности их земляка может перерасти в антигрузинскую кампанию.

В своей работе «Грузинское и советское: привилегированная нация и призрак Сталина на Кавказе» («Georgian and Soviet: Entitled Nationhood and the Specter of Stalin in the Caucasus») К. Кайзер показывает, как происходило национальное строительство в советской Грузии. Автор обращает внимание на парадоксальность этого процесса: вместо построения новой общей советской идентичности грузинские элиты эксплуатировали ресурсы централизованной системы для сплочения и укрепления грузинской нации. Конструкторы картвельской общности использовали в этих целях различные средства, включая культ личности Сталина.

К. Кайзер не первая, кто разрабатывает тему формирования наций внутри СССР. Так, она неоднократно ссылается на работу Терри Мартина «Империя положительной деятельности: нации и национализм в Советском Союзе»³. Т. Мартин считает, что Советский Союз был империей обратного воздействия: советская модель этнофедерализма и курс большевиков на коренизацию подстегнули национальное строительство в союзных республиках и автономиях, входивших в их состав. К. Кайзер идет еще дальше, демонстрируя, что завершение политики коренизации не остановило национальное строительство в Грузинской ССР.

Задолго до Терри Мартина Бенедикт Андерсон в «Воображаемых сообществах» показал, что в Азии и Африке нации возни-

2 *Kaiser C. P.* «A kind of silent protest?»: Deciphering Georgia's 1956 // *Georgia after Stalin: Nationalism and Soviet power* / ed. by T. K. Blauvelt, J. Smith. Abingdon, 2016. P. 92–115.

3 *Martin T. D.* *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca; London, 2001.

кали как побочные продукты имперской политики⁴. Отчасти этот концепт применим и к Грузии: собрание грузинских земель было реализовано Российской империей, а всеобщая перепись населения, в ходе которой были сформулированы первые этноязыковые категории, проведена царской бюрократией. Все это существенно подстегнуло национальное движение в Грузии, однако К. Кайзер об этом практически не пишет.

Книги Т. Мартина и отчасти Б. Андерсона задают теоретическую рамку работы К. Кайзера, но главным ориентиром для нее, безусловно, послужила работа Р. Суни «Становление грузинской нации» («The Making of the Georgian Nation»)⁵, опубликованная почти за 30 лет до выхода «Georgian and Soviet». Р. Суни показал формирование грузинской нации в широкой исторической перспективе. Он признавал, что Российская империя и СССР в значительной мере сформировали институциональные рамки, внутри которых «дозревала» грузинская нация, при этом он прямо указывал на зависимое положение Грузии от имперского центра. По его мнению, это препятствовало более естественному построению нации «снизу». Р. Суни довольно открыто выражал свое негативное отношение к сталинской политике в отношении Грузии, тогда как К. Кайзер сглаживает эти острые углы.

Если говорить о постсталинском периоде, то идею о том, что советизация в Грузии являлась поверхностной, а среди советских грузин преобладал запрос на развитие своего языка и своей культуры, еще в 1982 г. обозначил Дж. Парсонс⁶. Он же обратил внимание на казус протестов 1978 г. в связи с проектом новой конституции, из которой было убрано упоминание грузинского языка

4 Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / перевод с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. С. 266–300.

5 Suny R. G. The Making of the Georgian Nation. Bloomington, 1988.

6 Parsons J. W. R. National integration in Soviet Georgia // Soviet Studies. 1982. Vol. 34. No. 4. P. 547–569.

как государственного языка Грузинской ССР. К. Кайзер вскользь упоминает статью Дж. Парсонса, хотя именно последний уделил особое внимание ассимиляции (точнее — устойчивости грузин к ней), демографическим сдвигам, языковой политике, которые находят свое развитие в работе К. Кайзер.

В целом К. Кайзер использует большое количество литературы, обобщая наработки по теме формирования грузинской нации за предыдущие десятилетия. Помимо этого, стоит отметить и источниковую основу исследования, базирующуюся на документах из российских и грузинских архивов. Кайзер пишет, что работала с материалами Национального архива Грузии в Тбилиси и Грузинской национальной академии наук. Она добавляет, что ранее эти источники не попадали в поле зрения иностранных ученых⁷, что дает ей определенное преимущество перед Р. Суни, которому не удалось получить доступ в эти архивохранилища.

Структурно рецензируемая работа состоит из введения, шести глав и эпилога. Каждая глава книги посвящена ключевым этапам формирования грузинской нации в рамках советского эксперимента.

Введение К. Кайзер начинает с рассказа о пантеоне на горе Мтацминда в Тбилиси. Созданный в 1929 г. как место захоронения российского дипломата и писателя А. С. Грибоедова, некрополь стал последним пристанищем для выдающихся деятелей грузинской земли разных эпох: от поэтов XIX в. до олимпийского чемпиона по вольной борьбе. Пантеон отражает многослойность грузинской истории последних 200 лет, в которой имперское и советское — часть грузинского.

В первой главе К. Кайзер приводит свои главные аргументы, призванные убедить читателя в верности ее главного тезиса:

7 *Kaiser C. P. Georgian and Soviet: Entitled Nationhood and the Specter of Stalin in the Caucasus. Ithaca, 2023. P. XIV.*

привилегии, предоставленные Грузии в сталинский период, стали мощнейшим импульсом для консолидации грузинской нации.

В 1930 гг. произошли изменения в административно-территориальном делении. В 1931 г. статус Абхазии был понижен до автономии в составе Грузинской ССР. В 1936 г. Закавказская федерация была упразднена, и Грузия наряду с Арменией и Азербайджаном стала полноценной союзной республикой, а грузинские элиты — руководителями республиканского уровня, следовательно, у них появилось больше стимулов и ресурсов усиливать Грузию как самостоятельный субъект.

Параллельно проводился курс на объединение картвелоязычных групп в грузинскую общность. На примере переписей 1926, 1937 и 1939 гг. К. Кайзер показывает, как посредством изменения номенклатуры народностей в переписных листах происходило укрупнение грузинской нации за счет включения в категорию грузин мегрел, аджарцев, сванов, лазов и других малых народов, притом что в имперской переписи мегрелы и сваны были упомянуты отдельно. Можно спорить с автором, использовалась ли перепись сугубо в интересах грузинских элит или в интересах союзного центра тоже; в любом случае в конце 1930 гг. «грузинский проект» получил преимущество перед мегрельским и абхазским национальными движениями.

К. Кайзер уделяет особое внимание культу личности Сталина. Хотя сам «отец народов» на публике не апеллировал к своему происхождению, предпочитая быть над этническими размежеваниями, жители советской Грузии всячески превозносили его, называя его именем колхозы, фабрики и стадионы⁸. Англоязычная аудитория могла бы иронично назвать Грузию того периода «Stalinland».

В формировании грузинского национального канона лично Сталин принял участие дважды. В первый раз, известный своим

8 Ibid. P. 34.

юношеским увлечением поэзией, он способствовал масштабированию культа Шоты Руставели. В советской практике за каждой нацией закреплялся свой поэт номер один: у русских — Александр Пушкин, у казахов — Абай Кунанбаев, у осетин — Коста Хетагуров, а у грузин — Шота Руставели.

Второй эпизод случился в 1945 г.: Сталин пригласил историков С. Джанашия и Н. Бердзенишвили к себе на дачу, чтобы обсудить их труд «История Грузии». В ходе встречи «отец народов» сделал несколько предложений, которые историки не могли не учесть. Замечания Сталина сводились к тому, чтобы приподнять грузинский народ, показав его древнее происхождение, исторические успехи и героическое сопротивление захватчикам. Этот текст задал вектор развития национальной истории на десятилетия, что, безусловно, подпитывало грузинский национализм.

Во второй главе К. Кайзер показывает, как разогретые амбиции грузинских националистов перешли в плоскость внешней политики. После Второй мировой войны Советский Союз существенно усилил свои позиции на международной арене. СССР включился в пересмотр своих границ. К. Кайзер считает, что грузинские и армянские националисты, пользуясь моментом, выразили свои притязания на территории Турции. Однако нельзя исключать, что советское руководство само обосновывало свои геостратегические притязания «низовым» запросом со стороны грузин и армян. Как бы то ни было, после кончины Сталина СССР отказался от своих притязаний.

Также представители Грузинской ССР выступали с идеей репатриации ферейданцев, потомков грузин, переселенных в Персию при шахе Аббасе I, и взятия под патронаж ингилойцев — картвельязычного народа, проживающего на территории Азербайджана. К. Кайзер пытается преподнести казусы ферейданцев и ингилойцев как примеры этнической солидарности, хотя на практике мотивация грузинского руководства могла быть более сложной — нужно учитывать экономические резоны, аппаратную борьбу и т.д.

По мнению автора, провалы на внешнем контуре послужили толчком к тому, чтобы отказаться от внешнеполитической повестки в пользу укрепления нации внутри Грузинской ССР.

Третья глава, посвященная депортациям народов из Грузии, выбивается из общего замысла книги. К. Кайзер сама признает, что депортации были инициированы преимущественно органами безопасности союзного уровня. Считалось, что турки-мехетинцы, греки и армяне могут поднять вооруженные восстания, если получат поддержку извне. Хотя депортации изменили этноязыковой ландшафт в отдельных частях Грузинской ССР, нельзя сказать, что они коренным образом перевернули ситуацию для титульной нации; за одним исключением: депортация мегрел подорвала возможности мегрельского национального движения бороться за собственную автономию. В целом сюжет с репрессиями против народов важный, но он слабо связан с общей темой книги.

Четвертая глава рассказывает о переломном эпизоде в грузинской истории. Смерть Сталина, расстрел Л. Берии, а затем развенчание культа личности стали ударами не только по грузинским элитам, оставшимся без покровителей, но и по чувствам рядовых грузин. Жесткое подавление демонстраций в поддержку Сталина в 1956 г. в корне изменило отношение грузин к советской системе. К. Кайзер, пусть не очень явно, проводит мысль о том, что советский эксперимент был интересен грузинам, пока они пользовались привилегиями. Недовольство союзным центром сформировало антисоветский тренд и убежденность в том, что грузинам необходимо сосредоточить усилия на своем национальном проекте, а не на советском. Новое поколение националистов будет антисоветским, при этом отношение к Сталину будет вынесено за скобки. Хотя Грузия перестала получать привилегии в том объеме, как это было при Сталине — Берии, грузинам благодаря массовой мобилизации в 1956 г., по мнению К. Кайзер, удалось отстоять право на автономию и развивать свой национальный проект дальше. Например, Абхазия сохранилась в составе Гру-

зинской ССР, несмотря на запрос со стороны абхазов о передаче автономии РСФСР.

В пятой главе К. Кайзер повествует о том, как руководству Грузинской ССР буквально за 20 лет удалось сделать столицу республики грузинским городом. Эта глава с элементами антропологии города — наиболее оригинальный вклад автора в тему национального строительства в советской Грузии.

Картвелизация Тбилиси проводилась инструментами символической и миграционной политики, а также городского планирования. Этот казус очень показателен, поскольку не во всех столицах бывших союзных республик преобладал титульный для республики этнос. Например, к 1989 г. казахи в Алматы составляли менее четверти жителей, латыши в Риге — чуть более трети, узбеки в Ташкенте — менее половины. К. Кайзер считает 1958 г. важной вехой в становлении нового, «грузинского» Тбилиси. В этот год состоялись масштабные для города празднования 1500-летия столицы.

Ранее в послевоенный период состоялось празднование двух подобных юбилеев — 800-летие Москвы в 1947 г. и отложенное 250-летие Ленинграда в 1957 г.⁹ К. Кайзер не проводит параллелей между московскими и тбилисскими торжествами, хотя они очевидны. Во время празднования 800-летия столицы главным был нарратив о Москве — оплоте в борьбе с нашествиями ордынцев, поляков, армий Наполеона и Гитлера, а организаторы тбилисских торжеств говорили о многовековом противостоянии картвел ордынцам, персам и османам. Впоследствии этот нарратив стал каноничным.

К. Кайзер отмечает, что после вхождения в состав Российской империи Тифлис стал поликультурным городом, в котором

9 См., например: Москва послевоенная. 1945–1947: Архивные документы и материалы / сост. М. М. Горинов, А. Н. Пономарев, Е. В. Таранов. М., 2000. С. 219, 221–229 и далее; Юбилей Ленинграда. Основные документы и материалы о праздновании 250-летия. Л., 1957.

уживались русские — административная элита и военные, армяне, сосредоточившие в своих руках торговлю и ремесленничество, а также грузины, представлявшие аристократию и интеллигенцию¹⁰. Таким образом картвелоязычные жители города стали меньшинством. Накануне распада Российской империи только каждый четвертый житель Тифлиса был картвелом¹¹. Даже после периода коренизации число грузин в столице республики было меньше половины от общего числа населения (грузины — 44%, армяне — 26,4%, русские — 18%)¹².

Руководство республики стремилось сделать Тбилиси картвельским снова, пользуясь притоком людей в города и советской программой массового жилищного строительства. Поле для эксперимента стал район Сабуртало. Сюда начали переселяться грузины из сельской местности, меняя не только демографическую структуру города, но также его социальную ткань. Замысел советских идеологов подразумевал, что современный город будет модернизировать новых поселенцев. Однако этот процесс не был односторонним. Сельские грузины, перебравшись в Тбилиси, не отказывались от своих традиций и ритуалов. Они проводили не только религиозные ритуалы — крещение, венчание и отпевание, но и некоторые языческие обряды. К. Кайзер подмечает, что власти, включая Эдуарда Шеварнадзе, который работал в Тбилиси на разных должностях, пытались бороться с этими «пережитками» феодальной эпохи. В частности, учреждались праздники, приуроченные к датам, связанным с выдающимися грузинами, такими как Шота Руставели, Илья Чавчавадзе и Важа Пшавела. Эти усилия не обернулись успехом, однако обе волны — традиционалистская «снизу» и модернизаторская «сверху» — подсвечивали картвельское присутствие в городском ландшафте.

10 *Kaiser C. P. Georgian and Soviet... P. 139–140.*

11 *Ibid. P. 141.*

12 Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992. С. 71.

В шестой главе К. Кайзер показывает, что в брежневскую эпоху Грузия вошла вполне сложившейся нацией. Грузины имели демографический перевес и доминирование в партийных структурах; владение родным языком было практически повсеместным, тогда как даже в городах было на одном из самых низких уровней во всем СССР¹³. Как считает К. Кайзер, это позволило грузинской нации пройти очередную проверку на прочность. В 1977–1978 гг. в связи с принятием новой Конституции СССР начались обсуждения проектов основного закона союзных республик. Перед грузинами встало сразу два вызова: лишение грузинского языка статуса государственного и выход Абхазии из состава Грузинской ССР. К. Кайзер подводит к идее, что чем более «грузинской» становилась Грузия, тем сильнее становились центробежные тенденции в Абхазии и Южной Осетии.

Как и в 1956 г., мобилизация грузин позволила им решить оба спорных вопроса в свою пользу. Союзный центр поддержал титульный статус картвел. Конфликт был погашен, но не разрешен. В 1989 г. абхазы, включаясь в парад суверенитетов, заявили о желании восстановить статус союзной республики. Грузины по проверенной схеме ответили мобилизацией активистов. Митинги приняли антисоветский характер. Последовавший силовой разгон демонстрантов, по мнению К. Кайзер, ознаменовал разрыв социального контракта между грузинами и советской системой.

В эпилоге К. Кайзер говорит о том, что «советское» (в самом широком смысле) все еще укоренено в Грузии. Несмотря на то, что при Михаиле Саакашвили в Сакартвело проводили декоммунизацию, которая по инерции продолжается при «Грузинской мечте», полностью отказаться от советского грузинская нация на текущем этапе своего существования не может. Грузины работают с трудным прошлым, в том числе и с осмыслением личности Сталина и всей его эпохи. В Грузии все больше говорят и пишут

13 *Kaiser C. P. Georgian and Soviet... P. 166.*

о репрессиях и депортациях. Несмотря на это, доля жителей страны, позитивно относящихся к Сталину, в Грузии самая высокая среди государств бывшего СССР. В Гори продолжает работать дом-музей Сталина, а в частных владениях появляются все новые и новые памятники известному земляку. К. Кайзер фиксирует эти наблюдения, но не делает далеко идущих выводов. Возможно, еще через 30 лет новые исследователи вслед за Рональдом Суни и Клэр Кайзер посмотрят на Грузию, чтобы понять, нависает ли над Сакартвело призрак Сталина или нет.

Людам, погруженным в грузинский контекст, данная книга может показаться вторичной. Поэтому рецензируемая работа может быть востребована для знакомства с темой грузинского национального строительства. Тем не менее К. Кайзер смогла доступно изложить ключевые эпизоды формирования грузинской нации в советский период, осветив сюжеты, которые ранее не рассматривались в историографии.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / перевод с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. *Kaiser C. P.* «A kind of silent protest?»: Deciphering Georgia's 1956 // *Georgia after Stalin: Nationalism and Soviet power* / ed. by T. K. Blauvelt, J. Smith. Abingdon: Routledge, 2016. P. 92–115.
3. *Kaiser C. P.* Georgian and Soviet: Entitled Nationhood and the Specter of Stalin in the Caucasus. Ithaca; London: Cornell University Press, 2022. 294 p.
4. *Martin T. D.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. 496 p.
5. *Parsons J. W. R.* National integration in Soviet Georgia // *Soviet Studies*. 1982. Vol. 34. No. 4. P. 547–569.

6. *Suny R. G. The Making of the Georgian Nation.* Bloomington: Indiana University Press, 1988. 395 p.

References

1. Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism] / perevod s angl. V. Nikolaeva; vstup. st. S. P. Ban'kovskoi. Moscow: Kuchkovo pole.

2. Kaiser, C. P. (2016) “A Kind of Silent Protest?": Deciphering Georgia's 1956", in *Georgia after Stalin: Nationalism and Soviet power* / ed. by T. K. Blauvelt, J. Smith. Abingdon: Routledge, pp. 92–115.

3. Kaiser, C. P. (2022) *Georgian and Soviet: Entitled Nationhood and the Specter of Stalin in the Caucasus.* Ithaca; London: Cornell University Press.

4. Martin, T. D. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca; London: Cornell University Press.

5. Parsons, J. W. R. (1982) “National Integration in Soviet Georgia”, *Soviet Studies*, 34 (4), pp. 547–569.

6. Suny, R. G. (1988) *The Making of the Georgian Nation.* Bloomington: Indiana University Press.